

Произведения А.С. Пушкина на современной российской сцене

Пушкинские творения обретают жизнь на отечественных подмостках значительно реже, чем сочинения остальных трёх гениев из «золотой четвёрки» русской классики: Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого и А.П.Чехова. На данный момент основные тенденции режиссёрской работы с произведениями Александра Сергеевича таковы: сделать Пушкина «непушкинским», загримировав его тексты, например, под Чехова, Обэриутов или кого-либо ещё; смыть хрестоматийный глянец, притом весьма радикальными способами; слишком буквально понять выражение «наше всё».

Римас Туминас, поставив «Евгения Онегина» в Театре имени Вахтангова, доказал, что Пушкин бывает и с «чеховским уклоном». Интеллигентный, щемящий, горестный спектакль, в котором постаревшего Онегина играет Сергей Маковецкий, выстроен на подтекстах и недосказанностях. Он начинается со слов «кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей»; действие происходит в затуманенной атмосфере, на фоне движущегося зеркального задника, чьи шевеления заставляют зрительскую голову кружиться не в переносном, а в прямом смысле.

На сцене два Онегина, два Ленских, но одна Татьяна — ураган, неистовый подросток, корчащийся от неразделённого чувства, наивно-обиженно топающий ногами, прячущийся от любимого человека под лавку. Чеховскими настроениями полны и красивейший эпизод воспарения невест на качелях под небеса, и сцена прощания с умершей няней (вот уж о чьей кончине никто до Туминаса не задумывался!). Роль няни исполняет породистая Людмила Максакова, предстающая также в образах танцмейстерши балетного класса и самой Смерти, что оценил бы Треплев. Дверь кареты, везущей Лариных в Москву, заколачивают, как дом из «Вишнёвого сада». В постановке нет ни грамма сентиментальности: авторские лирические отступления изрядно заземлены отрывисто-угрюмым тоном оглашающего их полупьяного гусара (Владимир Вдовиченков); в момент знакомства с генералом Татьяна ест варенье прямо из банки, а затем протягивает ложку будущему супругу; един-